

Впервые за долгие годы Ли Жун оказался в месте столь массового скопления людей.

До того как его жизнь превратилась в руины, он часто посещал с родителями концерты классической музыки и театральные постановки, впитывая красоту искусства с самого детства. В семье потомственных интеллигентов его воспитанию уделяли огромное внимание.

Юноша не считал себя знатоком или тонким ценителем, но он всегда чувствовал эстетику слова и мелодии. Однако в юности он лишь наслаждался формой, никогда по-настоящему не задумываясь о том, что именно автор вложил в своё творение.

Лишь пройдя через горнило испытаний последних лет, он начал понимать скрытые смыслы. Это понимание давалось слишком дорогой ценой — оно причиняло боль, и со временем Ли Жун стал избегать подобных мест, стараясь держаться подальше от шумного веселья и беззаботных толп.

Выступление Линь Циня стало первым случаем, когда он добровольно решил выйти из своей зоны комфорта. Он пытался нащупать путь назад, к той спокойной жизни, которой наслаждаются обычные люди.

Билеты, которые оставил им Линь Цинь, находились не в самом центре, а чуть сбоку, но обзор оттуда открывался прекрасный. Окинув взглядом центральные ряды, Ли Жун заметил транспаранты и плакаты — там сидели представители крупных компаний и родственники уже известных участников.

В этом не было ничего удивительного: по сравнению с ними их друг казался обычным парнем без связей и громкого имени. Но староста знал, что после выхода шоу в эфир всё изменится. В прошлой жизни у Линь Циня поначалу было совсем мало экранного времени, но каждое его появление врезалось в память зрителей. Он вспыхнул ярко и быстро, чем и привлёк внимание беспринципных дельцов.

Но теперь... теперь за его спиной стоял Цзянь Фу, и за будущее талантливого юноши можно было не опасаться.

Проносить в зал большие упаковки с едой запрещалось, но, поскольку съёмки обещали быть долгими, организаторы закрывали глаза на мелкие сладости. Ли Жун купил пакет шоколадного драже на случай, если проголодается, и не забыл про леденцы для горла — раз уж они заняли такие хорошие места, было бы преступлением не поддержать Линь Циня криками.

Сунув пакет с конфетами в карман Цэнь Сяо, Ли Жун наставительно произнёс:

— Постарайся проскользнуть незаметно, когда повалит народ. Не попадись контролёрам.

Цэнь Сяо лишь промолчал, выразительно вскинув бровь. В своей жизни ему ещё ни разу не приходилось заниматься подобной контрабандой.

Цзянь Фу, сжимавший в руках два светящихся табло с именем друга, приподнялся на цыпочках, высматривая что-то впереди.

— Да зачем эти сложности? — с пренебрежением фыркнул он. — Еду вообще можно было не брать. Захочешь перекусить — сходишь к Линь Циню в гримёрку, у него там горы снеков.

Ли Жун, не имевший опыта в подобных делах, засомневался:

— А в закулисье пускают всех подряд?

— Нам — можно, — уверенно заявил его собеседник. — Линь Цинь скоро вынесет нам пропуска для персонала. Да и без них не проблема: уборные общие. В перерыве участники постоянно там мелькают, можно просто зайти вместе с ними, никто и слова не скажет.

Ли Жун задумчиво кивнул:

— Никогда раньше не бывал за кулисами.

Цзянь Фу скривился:

— Там сплошной хаос. Никаких личных гримёрок, все толтятся в одном помещении. Даже поговорить толком не дадут, вечно кто-то подслушивает.

Ли Жун удивлённо приподнял бровь:

— И о чём же таком секретном ты собрался с ним беседовать?

Глаза Цзянь Фу забегали.

— Да я так, к слову... — пробормотал он. — Просто пример привёл. Кто вообще собрался секретничать.

Ли Жун лишь усмехнулся, не став развивать тему.

К счастью, Цэнь Сяо выглядел настолько внушительно, что контролёры предпочли не задавать

лишних вопросов, и шоколад благополучно миновал проверку.

Зал был забит до отказа. Задние ряды оккупировали фанаты судей, которые пришли пораньше, чтобы занять лучшие места и поддержать своих кумиров. В гостевой зоне обстановка была куда спокойнее: кто-то лениво листал ленту в телефоне, а кто-то и вовсе решал рабочие вопросы. К гостям здесь относились с большим почтением, даже гаджеты сдавать не требовали.

Вскоре из-за кулис выбежал Линь Цинь и вручил им бейджи персонала. На нём был сценический грим, и в свете софитов он выглядел непривычно ярко.

Прикрыв рот ладонью, он прошептал Ли Жуну на ухо:

— Староста, с этим пропуском можешь заходить ко мне в любое время. Там полно еды, угощайся. Только осторожнее, там сейчас неразбериха. Могут заглянуть руководители канала или представители инвесторов, но они обычно просто перекидываются парой слов с участниками, так что ничего страшного.

Ли Жун понимающе кивнул, повысив голос:

— Ладно, иди готовься. Мы всё поняли, удачи!

Линь Цинь уже собирался уходить, когда Цзянь Фу бесцеремонно схватил его за рукав.

— Эй, а со мной поговорить? Почему только со старостой?

От неожиданности парень покачнулся. Он уже хотел было закатить глаза, но, вспомнив о камерах и фанатах с длиннофокусными объективами, сдержался.

— Я же тебе в прошлый раз всё рассказал, — тихо ответил он.

Цзянь Фу недовольно поджал губы. Ему хотелось, чтобы Линь Цинь и ему нашептывал что-то на ухо, совсем как Ли Жуну. Почему? Он и сам не знал, просто хотелось, и всё.

— Каким ты выступаешь?

Линь Цинь так и не высвободил рукав из его хватки, поэтому они со стороны напоминали держащуюся за руки парочку.

— Хм... В этот раз ближе к концу. Придётся долго ждать.

Цзянь Фу нахмурился:

— Конец — это плохо. Если в начале кто-то выступит слишком круто, давление будет зашкаливать. К тому же зрители устанут и будут вяло реагировать.

Линь Цинь лишь пожал плечами:

— Знаю. Но таков жребий, ничего не поделаешь.

— Не факт, что это жребий, — негромко вставил Ли Жун.

Его друг тут же обернулся:

— Староста, что ты имеешь в виду?

Ли Жун, не желая лишний раз волновать парня перед выходом на сцену, покачал головой:

— Ничего. Иди, мы заглянем к тебе позже.

Он прекрасно помнил, что у компании, которая обманом пыталась подписать контракт с Линь Цинем, были свои протезы на этом проекте. Зная их методы, можно было не сомневаться: порядок выступлений подстроен. Лишь когда стало ясно, что их собственные артисты безнадёжны, они решили во что бы то ни стало заполучить талантливую одиночку.

Линь Цинь не мог долго оставаться в зале и под присмотром редактора поспешил обратно. Цэнь Сяо, слышавший слова Ли Жуна, спросил:

— С каких пор ты интересуешься шоу-бизнесом?

Тот улыбнулся и, доверительно прислонившись к его плечу, прошептал:

— Не интересуюсь. Просто когда-то случайно узнал об этом.

Он имел в виду свою прошлую жизнь, когда до него дошли слухи о том, как Линь Цинь фактически «заморозили», загубив его карьеру.

Цэнь Сяо развернул шоколадное драже и вложил его в рот Ли Жуну:

— Какое совпадение.

Ли Жун прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом шоколада.

— Да... — он вдруг выпрямился, пронзённый внезапной догадкой. — Ты ведь ещё тогда, когда я предупреждал Линь Циня, догадался, что я...

Он не договорил, но смысл был ясен. Ли Жун впервые заподозрил Цэнь Сяо, когда тот привёл его к дому, адрес которого не должен был знать.

Тогда его подозрения подтвердились лишь частично. Оказалось, что Цэнь Сяо следил за ним с самого детства и многое из того, что он якобы «не знал», было лишь игрой. Но в главном Ли Жун не ошибся: Цэнь Сяо действительно обладал памятью об их общем прошлом.

Цэнь Сяо тоже взял шоколадку, молчаливо подтверждая его слова. На самом деле он пришёл к этому выводу не сразу, а после множества проверок и наводящих вопросов.

Поначалу Ли Жун, очевидно, полагал, что факт перерождения слишком невероятен, и потому вёл себя неосторожно. Но со временем, заметив странности в поведении Цэнь Сяо, он стал куда осмотрительнее и сам начал прощупывать почву.

Встретив юного Ли Жуна, Цэнь Сяо долго не мог разобраться в своих чувствах. С одной стороны, он винил себя за то, что их прошлая связь не принесла юноше ничего, кроме страданий, и боялся снова приближаться к нему. С другой — он не мог заставить себя воспринимать этого Ли Жуна как совершенно другого человека, не имеющего отношения к тому, с кем он провёл годы.

Возможно, для Ли Жуна их прошлое было кошмаром, но для Цэнь Сяо каждая секунда, даже те, что были наполнены враждой, была бесценна. Он понимал, что может начать всё с чистого листа, исправить ошибки и сделать так, чтобы тот больше не ненавидел его.

Но он не мог заставить себя забыть. Даже если эти воспоминания причиняли боль, он хотел хранить их в сердце — помнить, что тот человек действительно существовал.

И когда Ли Жун впервые заговорил о вещах, которые могли знать только они двое из будущего, Цэнь Сяо не знал, как описать охватившее его волнение. Радость обретения, осторожность, страх, восторг и тревога смешались в одно целое.

Он боялся сделать неверный шаг, опасаясь, что эта хрупкая идиллия рассыплется в прах. Он берёт свой секрет, но не мог оставаться в стороне, когда Ли Жун оказывался в беде.

К счастью, они оба изменились, оставшись при этом прежними. И именно поэтому сегодня они могли сидеть здесь, плечом к плечу.

Свет в зале погас.

— Началось! — восторженно прошептала Цзи Сяочуань. — Началось!

Цзянь Фу тут же сунул ей в руки один из светящихся щитов. Ей, как единственной из их компании, кто мог сойти за ярую фанатку, досталась почётная миссия.

Ли Жун и Цэнь Сяо тоже замолчали, сосредоточив внимание на сцене. Сначала вышел режиссер площадки, чтобы разогреть толпу и записать аплодисменты и крики для монтажа. Затем под рёв зала на сцену поднялись звёздные наставники.

Начались выступления. Одни участники пели превосходно и держались уверенно, другие же явно нервничали, и их номера выглядели неловко. Впрочем, даже у самых слабых находились группы фанатов, которые неистово поддерживали их криками.

Ли Жун с недоумением оглянулся назад, пытаясь разглядеть тех, чьи вкусы так радикально расходились с реальностью.

Цзянь Фу снова заворчал:

— Говорил же, надо было нанять массовку для Линь Циня! Посмотри на этих выскочек из крупных агентств — неважно, как поют, зато шуму-то сколько. Наш парень слишком скромный, без поддержки ему придётся туго.

Ли Жун бросил на него многозначительный взгляд:

— Ты прав, без защиты ему будет непросто. Так что смотри за ним в оба.

— Само собой! — не задумываясь, выпалил Цзянь Фу, но тут же осекся и прикусил язык.

«Ли Жун сказал "смотри за ним", а не "присматривайте за ним вместе". Что это значит?» — пронеслось в его голове.

«Неужели староста считает, что именно я — лучшая защита для Линь Циня?»

В душе Цзянь Фу разлилось приятное тепло. Мысль о том, что он может быть полезен Линь Циню, наполняла его гордостью.

Прошло два часа, но очередь Линь Циня так и не подошла. У Ли Жуну от долгого сидения затекла спина. Он поднялся, опершись на плечо Цэнь Сяо:

— Пойду за кулисы, посмотрю, как там Линь Цинь.

Цэнь Сяо легонько сжал его ладонь:

— Мне пойти с тобой?

Ли Жун покачал головой:

— Не стоит. У Линь Циня нет покровителей, и если увидят, что он водит за собой толпу гостей, это может ему навредить. Я быстро.

В этот же момент сотрудники шоу с почтительным видом проводили через служебный вход одного из инвесторов.

— Президент Чжэн, прошу вас, сюда. Все артисты сейчас в гримёрках, вечером у них будет время для личных встреч.

<http://bllate.org/book/15351/1502517>